

ЯПОНСКАЯ
ЛЮБОВНАЯ
ЛИРИКА

стихотворения

МОСКВА
2023

УДК 821.521-1
ББК 84(5Япо)-5
Я70

Иллюстрация на переплете *Анны Рысухиной*

Перевод с японского *А. Е. Глускиной*

Иллюстрация в марке серии:

© bsd / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Я70 **Японская** любовная лирика : стихотворения / перевод с японского *А. Е. Глускиной*. — Москва : Эксмо, 2023. - 432 с.

ISBN 978-5-04-187918-1

Впервые за много лет читателю открывается мир классической японской любовной лирики в переводах *Анны Евгеньевны Глускиной* — одной из важнейших советских японисток, лично составившей эту антологию в конце восьмидесятых годов. В книгу вошли стихотворения VIII, X и XIII веков, внимательно отобранные из трех лучших японских поэтических антологий, а также прокомментированные переводчицей. Тонкая японская лирика спустя сотни лет продолжает поражать читателя своей искусностью и лаконичностью, а внимательно выполненный перевод *Анны Глускиной* передает все нюансы классического японского стихосложения на русском языке.

УДК 821.521-1
ББК 84(5Япо)-5

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-187918-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Японская любовная лирика занимает большое и важное место в японской поэзии. Еще в древности, во время народных обрядовых хороводов, которые совершались для получения обильного урожая и заканчивались брачными играми на полях, в перекличках мужского и женского хора впервые родились песни любви и сохранили навсегда глубокую органическую связь с природой. Поэтому японская любовная лирика тесно переплетается с пейзажной, и любовные чувства передаются обычно через образы природы того или иного времени года или в связи с ними. Лирика чувств и лирика природы образуют гармоническое слияние и тонкое взаимопроникновение.

В японской старинной любовной лирике обычно не воспевается внешняя красота возлюбленной или ее душевные качества. Здесь не было создано, как в Западной Европе, культа Прекрасной дамы. Любимая была всегда та, с которой вместе любовались луной, цветами, алыми листьями клена, выпав-

шим снегом, красивыми видами природы. Во время такого любования стало обычаем сочинять стихи и выражать в них свое восхищение или раздумья, связанные с природой.

Сообщить тому, кого ты любишь, о расцвете цветов возле своего дома означало просьбу о свидании, ожидание прихода любимого человека.

В любовных песнях цветов сливы, вишни, гвоздики, камелии и другие цветы и травы часто являются метафорой возлюбленной. Позже ее образ ассоциируется также с жемчужиной и яшмой. Нередко в песнях говорится о желании сорвать алые листья клена, чтобы дать полюбоваться любимой или любимому, о желании показать живописные места природы.

Принято было вместе с возлюбленной сажать деревья, цветы, загадывая о будущем совместном счастье.

В песнях любви часто встречаются унаследованные от народных любовных заговоров образы трав и раковин с народными названиями: трава — «скажи-свое-имя», раковины — «позабудь-любовь» и т. п., которые используются уже в качестве художественного приема.

Одним из распространенных мотивов песен является обращение к девушке с просьбой назвать свое имя. Открыть юноше свое имя для девушки

значило доверить ему свою судьбу, дать согласие на любовь, на брак.

Постоянным образом для песен любви являются рукава одежды, которые возлюбленные стелют друг другу в изголовье. Самое обычное выражение нежности и любви — это прикосновение рукавов. Плача, их подносят к глазам, отчего влажный рукав становится символом безутешных слез. Расстающийся рукав — образ разлуки. С рукавами связано много примет и суеверий.

Много поют об обычае дарить одежду любимому человеку или обмениваться с ним одеждой, о том, как завязывают заветный шнур у одежды перед разлукой с любимым человеком в знак верности, с тем чтобы не развязать его до будущей встречи.

Часто обращаются к летящей птице, парящему облаку, к плывущему челну, чтобы передать весть о себе любимому человеку.

Характерным мотивом японской любовной лирики является расставание с милым на заре — песни типа «альба». В древности они пелись после брачных игр. Позднее стали означать прощание с тайным возлюбленным, а в некоторых случаях с мужем, так как жены не уходили в дом мужа, а муж навещал жену, приходя в ее дом.

В приведенных здесь образцах японской лирики читатель найдет знакомые душевные переживания, свойственные любовной лирике всех народов, и одновременно войдет в особый мир своеобразных поэтических образов и восприятий японской поэзии, где много унаследовано от народного творчества.

Характерные черты, присущие японской поэзии в целом, отражены и в любовной лирике: недосказанность, наличие намеков, тяготение к иносказанию, ожидание душевного отклика слушателя или читателя, как бы дополняющего произведение, раскрывая его подтекст, благодаря привычным ассоциациям и традиционному восприятию образов.

Отдельные образцы, приведенные в данном издании, взяты из трех лучших японских поэтических антологий VIII, X и XIII веков.

Произведения антологии VIII века помимо авторской поэзии содержат также записи народных песен западных и восточных провинций и отличаются наиболее непосредственным выражением чувств, в то время как произведения из антологии X века уже несут на себе печать философии эстетизма, процветавшей в среде господствующей аристократии, и выделяются изысканностью и усложненностью содержания. Произведения антологии XIII века особенно элегичны по настроению и как

бы отражают тяжелую общественную атмосферу того времени и проникновение в любовную лирику влияния буддийских учений о бренности всего земного.

Переключка мужского и женского хора во время народных обрядовых хороводов предстает здесь порой как обмен любовными строфами между возлюбленными или как обмен любовными посланиями.

Помещенные в конце сборника шестистишия и длинные песни являются наиболее древними формами песен, которые уже в VIII веке уступили ведущее место пятистишиям (танка), ставшим в X—XIII веках господствующей формой стиха в мире японской поэзии.

В разделе авторских песен читатель знакомится с двумя великими поэтами древности — Какиномото Хитомаро (VII в.) и Ямабэ Акахито (начало VIII в.), с известным певцом любви VIII века Отомо Якамоти и с лучшими поэтессами своего времени Нукада (VII в.), Отомо Саканоэ (VIII в.), Каса (VIII в.) и др.

Представлены в этом разделе и поэты, вошедшие в список «шести бессмертных поэтов»: Аривару Нарихира (IX в.), поэтесса Оно Комати (IX в.), поэты Содзё Хэндзё (IX в.), Бунъя (Фунъя) Ясухидэ

(IX в.), а также включенные в более поздние «списки тридцати шести бессмертных поэтов Средневековья»: Цураюки (X в.), Отикоти Мицунэ (X в.), Ки Тономори (X в.), Сайгё-хоси (XII в.), Фудзивара Садаиэ или Тэйка (XIII в.), поэтессы Мурасаки Сикибу (конец X — начало XI в.), Идзуми Сикибу (XI в.) и др. Прославленные поэты этих антологий, творчески освоив достижения китайской и корейской поэзии и прежде всего используя внутренние возможности своей собственной культуры, унаследовав богатый опыт народного творчества, сумели создать в итоге свою особую любовную лирику, неотъемлемую от глубоко проникновенной лирики природы.

Японская любовная лирика с ее самобытным лирическим богатством и своеобразными поэтическими образами — достойный вклад в сокровищницу мировой поэзии любви. А ее общечеловеческое звучание помогает ей легко перешагивать через столетия и быть близкой нам и теперь.

Хочется надеяться, что знакомство со старинной любовной японской лирикой, как любое проникновение в область духовной культуры другого народа, будет способствовать сближению и взаимопониманию, внося свою скромную лепту в великое дело дружбы и мира между народами.

ПЯТИСТИШИЯ

ТАНКА

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Прозрачная волна у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф,
Порой бурлит, но к берегам не подойдет.
Так — ты ко мне.
И полон я тоски...

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

О нет, наоборот:
Увы, не я, а ты,
Подобно той волне у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф, —
Ты никогда не подойдешь ко мне...

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Когда бы знала, что любимый мой
Придет ко мне,
Везде в саду моем,
Покрытом только жалкою травой,
Рассыпала бы жемчуг дорогой!

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Зачем мне дом, где жемчуг дорогой
Рассыпан всюду,
Что мне жемчуга?
Пусть то лачуга, вся поросшая травой,
Лишь были б вместе мы, любимая моя!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Когда бы гром внезапно загремел,
А небо затянули облака,
И хлынул дождь, —
О, может быть, тогда
Тебя, мой друг, остановил бы он!

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Пусть не гремит совсем здесь грозный гром
И пусть не льет с небес поток дождя,
Ах, все равно —
Останусь я с тобой,
Коль остановишь ты, любимая моя!

* * *

На траву зеленую тисá
Тяжестью в горах легла роса,
Оттого и вянет зелень этих трав.
Оттого, что в сердце горечь глубока,
Не кончается моя тоска...

* * *

Лучше пусть исчезну,
Словно белый иней,
Выпавший на землю поутру:
Как я эту ночь, тоскуя и печаясь,
Нынче до рассвета проведу?

* * *

Изголовие из дерева цугэ,
Лишь придет вечерняя пора,
Ты все время неотступно ждешь на ложе...
Отчего ж никак дождаться ты не можешь,
Чтоб хозяин твой пришел сюда?

* * *

На рассвете у ворот моих
Кулики без умолку поют.
О, проснись, проснись!
Мой супруг на эту ночь одну,
Пусть не знают люди про тебя.

* * *

Ах, на кровле дома моего
Зацвела «не забывай»-трава.
Все смотрю:
А где трава «забудь-любовь»?
Жаль, еще не выросла она...